

КОМБИНИРОВАННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ И КРИМИНАЛИСТИКЕ

В настоящей статье автор предпринимает попытку комплексного рассмотрения всех комбинированных технологий, используемых в настоящее время в уголовном процессе и криминалистической тактике. Анализируется тактическая комбинация. Кроме того, автор уделяет внимание специальной операции — организационной форме производства следственного действия, которая характеризуется большим числом участников и сопряжена с восприятием множества фрагментов объективной реальности, элементов вещной обстановки, расположенных на значительной по своим размерам территории. И, наконец, рассматривается процессуальная комбинация — предусмотренный уголовно-процессуальным законодательством комплекс определенных взаимообусловленных следственных и иных процессуальных действий, направленных на решение частных (локальных) задач уголовного судопроизводства и производимых на основании общего процессуального решения.

Ключевые слова: криминалистическая тактика; процессуальная комбинация; специальная операция; тактическая комбинация; тактическая операция.

Современные социально-экономические отношения, научно-технический прогресс и иные факторы, обуславливающие существование и развитие современного общества и государства, неизбежно влияют на качественные изменения преступности. Наряду с «традиционными» преступлениями, способы совершения и сокрытия которых все более и более усложняются, появился целый ряд принципиально новых форм преступной деятельности, обуславливающих необходимость внесения многочисленных изменений и дополнений в уголовное законодательство. В этой связи в последние годы резко актуализировалась потребность в поиске качественно новых, инновационных уголовно-процессуальных механизмов, криминалистических средств и методов, направленных на эффективное предварительное расследование уголовных дел, формирование доказательственного материала в целях

обеспечения возможности выработки позиции государственного обвинения при неукоснительном соблюдении прав и свобод личности, выполнении иных принципов уголовного судопроизводства. Причем на этом фоне особое значение приобретают комбинированные уголовно-процессуальные и криминалистические технологии, позволяющие на комплексном уровне разрешать достаточно сложные и нестандартные познавательные, организационно-обеспечительные и иные задачи, стоящие перед органами дознания и предварительного следствия.

Впервые этот вопрос был поднят еще в 1972 г. А.В. Дуловым, который посчитал возможности решения задач предварительного расследования только в рамках проведения отдельно взятых следственных действий явно недостаточными. Ученый писал, что следователям нередко приходится сталкиваться и с такими задачами, решить которые можно только пу-

тем проведения целого ряда следственных действий, оперативно-розыскных и иных мероприятий. Эти комплексные, сложные задачи автор назвал тактическими операциями [12, с. 23–26]. Указанная криминалистическая новация вызвала оживленные отклики среди ученых и послужила предметом бурной полемики. В частности, включившись в обозначенную дискуссию, Л.Я. Драпкин сформулировал собственное определение тактической операции. Он посчитал, что тактическая операция выражена не в задачах, для решения которых необходим комплекс следственных, оперативных и иных мероприятий, а является самими этими мероприятиями в своей совокупности, проводимыми по единому плану и направленными на решение частных, промежуточных задач предварительного расследования [10, с. 54]. В свою очередь, В.И. Шиканов попытался дополнить данное определение. Ученый писал, что тактическая операция представляет собой не просто совокупность согласованных между собой следственных, оперативно-розыскных и иных мероприятий, а именно тех мероприятий, которые проводятся в соответствии с нормами уголовно-процессуального законодательства компетентными органами либо должностными лицами и для выяснения вопросов, входящих в предмет доказывания по уголовному делу [40, с. 156–157]. Эти взгляды нашли отражение и в более поздних работах автора [41, с. 18–19]. Хотя, по нашему мнению, подобные дополнения В.И. Шиканова не совсем разумны и лишены какого-либо теоретического и практического смысла. Ведь вполне очевидно, что включенные им в предмет тактической операции следственные действия не могут не проводится иначе как в строго установленном уголовно-процессуальным законом режиме и уполномоченными на то лицами. Тогда как оперативно-розыскные мероприятия, напротив, осуществляются вне процессуальной формы.

Итогом обозначенной дискуссии была заново сформулированная А.В. Дуловым

в 1979 г. дефиниция тактической операции, под которой он теперь понимал совокупность следственных, оперативных, ревизионных и иных действий, разрабатываемых и проводимых в процессе расследования по единому плану под руководством следователя с целью реализации такой тактической задачи, которая не может быть решена производством по делу отдельных следственных действий [13, с. 44].

Одновременно с указанными авторами свои исследования по данной проблематике проводил Р.С. Белкин, который, оказавшись под влиянием идей А.В. Дулова о комплексных категориях криминалистической тактики, пытался рассматривать их в несколько ином контексте – как средства, формально «замещающие» собой следственные хитрости и психологические ловушки, столько критикуемые ортодоксальными учеными-процессуалистами. В 1974 г. Р.С. Белкин предложил новую криминалистическую категорию – тактическую комбинацию, которую первоначально определил, как совокупность тактических приемов допроса [19, с. 361], а затем – как совокупность любых тактических приемов или целых следственных действий, преследующую цель решения конкретной задачи расследования и обусловленную этой целью и следственной ситуацией [4, с. 16]. В более поздних работах он стал включать в содержание тактических комбинаций и непроцессуальные (в первую очередь оперативно-розыскные) мероприятия, называя такие комбинации разнородными, в отличие от однородных, состоящих исключительно из следственных действий [5, с. 213]. При этом ученый подчеркивал, что разнородные тактические комбинации – это тоже самое, что и тактические операции (синонимы), хотя термин «комбинация» является более предпочтительным [5, с. 215–216].

Предложенная Р.С. Белкиным позиция не нашла всеобщей поддержки и вызвала ряд критических замечаний со стороны оппонентов. В частности,

В.И. Шиканов писал, что тактическая комбинация – это сложная разновидность тактической операции, которая связана с особо сложными расчетами, основанными на возможностях рефлексивного анализа [41, с. 25]. Л.Я. Драпкин вообще считал термин «тактическая комбинация» менее удачным, чем «тактическая операция», поскольку понятие «комбинации» пришло в криминалистику из теории и практики оперативно-розыскной деятельности, где оно имеет иную функциональную и структурную нагрузку, а кроме того, по мнению автора, этот термин недостаточно строг и в обычном смысловом его понимании [11, с. 57]. По мнению А.В. Дулова, полностью отрицать возможность самостоятельного существования тактических комбинаций нельзя. Под этим термином следует понимать разновидность тактической операции, где используется совокупность следственных действий (иногда с привлечением и оперативно-розыскных мероприятий), направленных на реализацию отдельного тактического приема [11, с. 45]. А.Е. Михальчук и В.В. Степанов считали, что тактическая комбинация и тактическая операция – это две независимые друг от друга самостоятельные криминалистические категории, однако тактическая комбинация помимо того, что может носить независимый характер, может также являться и структурным элементом тактической операции [23, с. 36].

Многие современные криминалисты вообще перестали уделять особое внимание различиям между тактической операцией и комбинацией, используя эти категории как тождественные [26, с. 37–39 ; 33, с. 169]. Другие пишут о таких различиях как о само собой разумеющихся, не подтверждая свои доводы достаточными аргументами [20, с. 232 ; 21, с. 23–25].

Тем не менее, между тактической комбинацией и тактической операцией существуют достаточно ощутимые различия, которые выражаются в их содержании и взаимосвязи с установленным процессу-

альным законом режимом уголовного судопроизводства. Ведь сам по себе термин «комбинация» согласно филологическим источникам применим к сочетанию, соединению каких-либо однородных, близких по сути объектов, или действий, объединенных общим замыслом. Тогда как «операция» предполагает более сложную конструкцию и выражается во взаимообусловленном сочетании различных по своей природе приемов, способов, технологий [25]. Применительно к рассматриваемым настоящей статье комплексным криминалистическим технологиям под однородностью вполне можно понимать подчиненность требованиям уголовно-процессуального законодательства, единым принципам уголовного судопроизводства, целям, задачам и общим условиям проведения следственных действий. Тогда как разнородность выражается в использовании различных по правовому режиму, целям и задачам следственных действий, оперативно-розыскных, административных, организационно-технических и иных мероприятий.

Тактическая комбинация полностью лежит в уголовно-процессуальной плоскости, поскольку состоит из следственных действий или их частей (отдельных тактических приемов), которые производятся только в соответствии с УПК РФ. В свою очередь, тактическая операция включает в свою структуру и непроцессуальные мероприятия, в частности оперативно-розыскные, административные, организационно-технические и иные. Результаты проведения тактической комбинации в полном объеме служат доказательствами по делу, так как добываются при проведении следственных действий, а результаты тактической операции служат доказательствами по делу только частично. И, наконец, проведение тактической комбинации в отличие от операции ограничено сравнительно небольшим кругом участников.

Таким образом, *тактической комбинацией* можно считать определенное со-

четание отдельных тактических приемов или следственных действий, преследующее цель решения конкретной задачи расследования и обусловленное этой целью и следственной ситуацией. В свою очередь, *тактическая операция* – это совокупность следственных действий и оперативно-розыскных, административных, организационно-технических и иных мероприятий, направленных на решение конкретной задачи расследования и обусловленная следственной ситуацией, сложившейся по делу.

Несмотря на большой тактический потенциал и весьма серьезные познавательные и иные возможности тактических комбинаций и операций, фундаментальные исследования А.В. Дулова, Р.С. Белкина, Л.Я. Драпкина и иных известных ученых стали лишь первым шагом в формировании теории и практики комбинированных технологий, используемых в современном уголовном процессе и криминалистике.

В последние годы широкое распространение получили принципиально новые преступления экономической, террористической, техногенной направленности. Так, 23 ноября 2013 г. сотрудниками полиции совместно с ФСБ России было проведено 34 обыска в кредитно-финансовых учреждениях и офисах юридических лиц на территории Москвы, Московской области, Нижнего Новгорода, Перми и Владимира по уголовному делу, возбужденному по ст. 172 УК РФ. В частности, следственные действия проводились в нескольких коммерческих банках и привели к обнаружению денежных средств, множества документов, электронных носителей и т.д. 2 апреля 2012 г. в Тюменской области после взлета из аэропорта потерпел аварию пассажирский самолет, который, столкнувшись с поверхностью земли в 4 км от торца взлетно-посадочной полосы, разрушился и частично сгорел; погибло более тридцати человек, другие были госпитализированы с повреждениями различной степени тя-

жести. 15 июня 2014 г. на перегоне между станциями «Парк Победы» и «Славянский бульвар» Арбатско-Покровской линии Московского метрополитена на скорости 70 км/ч сошли с рельсов три вагона электропоезда, которые, столкнувшись с тюбингом и поперечной стеной съезда, были сильно повреждены. В результате аварии погибло двадцать два человека; более двухсот – были госпитализированы. Современной практике известно еще множество подобных примеров.

В этой связи следственные действия приобретают принципиально новый характер и требуют выполнения большого количества поисково-познавательных мероприятий на значительной территории. Для их производства силы традиционной следственно-оперативной группы явно недостаточны. В подобных ситуациях необходимо привлечение гораздо большего количества сотрудников правоохранительных органов. Число участников таких крупномасштабных следственных действий достигает нескольких десятков, а иногда и сотен человек. Поэтому представляется очевидным, что порядок их производства не может не обладать определенной спецификой и не иметь некоторых отличий от так называемых традиционных следственных действий.

В этой связи в свое время нами было высказано предположение о существовании в современных условиях сложной организационной формы производства следственного действия, обусловленной необходимостью собирания множества фрагментов доказательственной информации на значительной территории и характеризующиеся привлечением большого количества участников [28, с. 7]. Кстати, такая форма вовсе не является новой; отдельные тезисы, предполагающие ее существование, высказывались достаточно давно. Так, еще в 1953 г. Г.Б. Карнович, исследуя вопросы расследования аварий на транспорте, утверждал о необходимости проведения крупномасштабного осмотра места происшествия,

включающего в себя комплексное обследование различных гидротехнических сооружений, очертания берегов, рельефа, прилегающего к водному пути, береговых и плавучих знаков и т.д. [18, с. 61–62]. В свою очередь В.Е. Эминов, Э.К. Саулевич, М.С. Лодысев и В.Д. Кофман применительно к осмотру места авиационного происшествия писали о необходимости проведения данного следственного действия, сопровождаемого исследованием множества обломков, разбросанных на значительной территории, посредством привлечения большого числа сотрудников, включая специалистов Госавианадзора [42, с. 41]. Близкие по смыслу рекомендации также были сформулированы А.П. Егоровым и И.Л. Шрагой применительно к осмотру мест аварий железнодорожного транспорта [14, с. 46, 48].

Однако анализ современной уголовно-процессуальной и криминалистической литературы показывает, что, несмотря на повышение актуальности этой проблематики, к ней проявляется весьма слабый научный интерес. Вопросы осуществления крупномасштабных следственных действий до настоящего времени остаются практически неисследованными [дополнение]. Определенный интерес к данным вопросам проявлен в работах О.Я. Баева, который, опираясь на более ранние наши публикации, пытается сформулировать несколько предложений преимущественно тактического характера применительно к производству обыска [2, с. 182–184]. Еще некоторые современные исследователи фрагментарно затрагивают указанные вопросы применительно к осмотру мест происшествий на железнодорожном и воздушном транспорте [6, с. 95–97 ; 15, с. 4–10 ; 16, с. 2–6 ; 24, с. 34]. Вместе с тем в работах по административному праву, посвященных проблемам управления органами внутренних дел, активно затрагиваются различные аспекты проведения близких по условиям организации комплексных правоохранительных мероприятий, свя-

занных с использованием большого количества сил и средств на значительной по размерам территории. Эти мероприятия принято называть специальными операциями. Под специальной операцией в административно-правовой литературе понимается совокупность тщательно спланированных и скоординированных оперативно-профилактических, розыскных, следственных и иных действий (мероприятий) большинства служб и подразделений органов внутренних дел, а также приданных сил (и средств), осуществляемых централизованно и по единому плану, в одном или нескольких регионах, под руководством начальника оперативного штаба (или группы управления), направленных на достижение единой цели и максимальных результатов по охране общественного порядка и борьбе с преступностью [7, с. 6, 61–62 ; 35, с. 30]. Некоторые авторы называют подобные мероприятия не специальными, а комплексными операциями [1, с. 13–14 ; 8, с. 14]. Несколько более приближенно к уголовному судопроизводству специальная операция освещается в работах В.Н. Григорьева и С.А. Селиверстова, понимающих под ней комплекс разведывательных и оперативно-розыскных действий, режимных и силовых мероприятий и следственных действий, осуществляемых органом внутренних дел совместно с взаимодействующими органами под руководством начальника оперативного штаба по единому плану в одном или нескольких населенных пунктах или в отдельной местности в целях захвата или, в исключительных случаях, уничтожения вооруженных преступников [9, с. 110 ; 31, с. 14]. В таком контексте специальная операция, будучи в конечном счете направленной на достижение задач уголовного судопроизводства, как бы находится на стыке административного права, оперативно-розыскной деятельности и уголовного процесса и, следовательно, напоминает вышеупомянутые тактические комбинации и операции [30, с. 12–17].

Не являясь объектами уголовно-процессуального регулирования, специальные операции тем не менее имеют множество общих точек пересечения с крупномасштабными следственными действиями. И те, и другие характеризуются участием большого количества взаимодействующих между собой сотрудников правоохранительных органов, а также использованием значительной территории. Необходимыми условиями эффективности в обоих случаях являются предварительное планирование и общее руководство мероприятием, в том числе создание специального оперативного штаба и т.д. В этой связи мы полагаем, что научные и методические подходы к проведению специальных операций вполне могут быть использованы для формирования механизмов производства крупномасштабных следственных действий. Более того, представляется, что и сам термин «специальная операция» применим к обозначению организационной формы проведения таких осмотров, обысков, выемок и т.д.

Для более четкого уяснения сущности специальной операции как организационной формы производства следственного действия нами были разработаны ее основные признаки.

1. В форме специальной операции могут осуществляться лишь некоторые из следственных действий, предполагающих наглядно-образное восприятие субъектами процессуального познания фрагментов объективной реальности, элементов вещной обстановки. Наиболее типичными следственными действиями, проводимыми в форме специальной операции, являются осмотр, обыск и выемка. Представляется, что теоретически в данной организационной форме могут осуществляться следственный эксперимент и проверка показаний на месте, однако мы не располагаем сведениями о подобной практике.

2. Следственное действие, осуществляемое в форме специальной операции,

характеризуется не специфическим процессуальным механизмом, а исключительно особенностями своей организации. В этой связи следует обратить внимание, что ранее нами высказывалась не совсем верная позиция, заключающаяся в том, что для некоторых следственных действий в форме специальной операции необходима отдельная процессуальная регламентация [28, с. 11]. В настоящее время мы вынуждены пересмотреть данную точку зрения. Ее ошибочность была обусловлена тем обстоятельством, что мы анализировали специальную операцию применительно лишь к одному следственному действию – к обыску, порядок производства которого уже сам по себе отличается рядом процессуальных особенностей. В частности, нами было сделано предложение об обязательности получения судебного решения для производства обыска в форме специальной операции и т.д. Вместе с тем более общий подход, охватывающий наряду с обыском и другие следственные действия, показал, что все так называемые процессуальные особенности специальной операции вовсе не противоречат общим правилам, установленным для производства осмотра, обыска, выемки. Таким образом, специальная операция является не процессуальной разновидностью, а сугубо сложной организационной формой производства следственного действия, поэтому не требует внесения в Уголовно-процессуальный кодекс РФ каких-либо изменений. Представляется, что установленный законодателем процессуальный режим проведения осмотра, обыска или выемки обладает вполне достаточным правовым потенциалом для проведения этих следственных действий в форме специальной операции.

3. Следственное действие в форме специальной операции заключается в восприятии множества объектов, содержащих в себе доказательственную информацию и расположенных на достаточно обширной территории. Такие

объекты разнообразны по своему характеру и величине. Это крупногабаритные фрагменты, например, отдельные участки местности или отсеки больших помещений, объекты железнодорожного, морского, воздушного или автомобильного транспорта, а также их части и т.д. Вместе с тем следственное действие в форме специальной операции может быть направлено и на восприятие мелких (традиционных) предметов. Например, обыск в банке или офисе крупной организации направлен на отыскание и изъятие множества различных документов, имеющих значение для уголовного дела.

Под обширной территорией следует понимать такое место производства следственного действия в форме специальной операции, которое имеет большую площадь и (или) разделено на множество самостоятельных отсеков (комнат, кабинетов, хранилищ и т.д.). В частности, объектами следственных действий в форме специальной операции могут являться: объекты производственного назначения (предприятия, цеха и пр.); складские помещения (склады с оборудованием, продовольственные склады, овощные базы, таможенно-логистические терминалы и пр.); офисы и административные помещения; банковские хранилища и депозитарии; предприятия торговли (продовольственные и вещевые рынки, супермаркеты, универмаги и пр.); большие частные дома, коттеджи; крупные земельные участки; автостоянки; места железнодорожных, авиационных, водных и других катастроф и т.д.

4. Следственное действие в форме специальной операции предполагает участие большого количества осуществляющих его субъектов: следователей, оперативных работников, специалистов, сотрудников специальных силовых подразделений и т.д. Возможность присутствия всех этих лиц вполне согласуется с установленными УПК РФ правилами производства следственных действий. Так, ч. 5 ст. 163 УПК РФ указывает, что руководитель

и члены следственной группы вправе участвовать в следственных действиях, производимых другими следователями. Участие в проведении специальных операций должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, в том числе сотрудников специальных силовых подразделений, прямо предусмотрено ч. 7. ст. 164 УПК РФ. Привлечение к производству следственных действий специалистов обусловлено требованиями ст. 168 УПК РФ. Представляется, что в форме специальной операции должно осуществляться только такое следственное действие, для которого необходимы более значительные силы, чем состав традиционной следственно-оперативной группы, состоящей из одного следователя, одного-двух оперативных сотрудников и специалиста.

В качестве еще одного сущностного признака специальной операции как организационной формы следственного действия мы ранее выделяли ее проведение в условиях активного противодействия со стороны лиц, не заинтересованных в надлежащем расследовании уголовного дела. Нами высказывалась точка зрения, что при проведении следственного действия в форме специальной операции противодействие оказывается практически в каждом случае [27, с. 32]. Данная позиция была выработана на основании изучения ряда уголовных дел, связанных с проведением обысков. Однако наши дальнейшие исследования по проблеме показали, что крупномасштабные следственные действия далеко не всегда сопровождаются противодействием. Примерами подобных следственных действий вполне могут послужить осмотры мест происшествий по делам о железнодорожных или авиакатастрофах, о террористических актах и т.д. Поэтому противодействие расследованию является не обязательным, а лишь факультативным признаком «невербального» следственного действия, проводимого в форме специальной операции.

Итак, на основании всего вышеизложенного мы приходим к выводу, что под *специальной операцией* следует понимать такую организационную форму производства следственного действия, которая характеризуется большим числом участников и сопряжена с восприятием множества фрагментов объективной реальности, элементов вещной обстановки, расположенных на значительной по своим размерам территории.

И, наконец, последняя группа комбинированных технологий, о которых идет речь в настоящей статье, связана с расширением познавательного арсенала органов дознания и предварительного следствия на законодательном уровне. Действующий уголовно-процессуальный закон предусматривает целый ряд сложных приемов комплексного (комбинированного) характера, а именно: наложения ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотра и выемки, контроля и записи переговоров и получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст.ст. 185, 186 и 186.1 УПК РФ).

В современной юридической науке существуют достаточно влиятельные точки зрения о нецелесообразности включения указанных механизмов в систему следственных действий и даже вообще об ошибочности их введения в предмет уголовно-процессуального регулирования¹. В частности, М.О. Баев и О.Я. Баев, поддерживая ранее выдвинутую С.А. Шейфером точку зрения относительно непроцессуальной природы контроля и записи переговоров, пишут, что данное действие не является следственным ввиду отсутствия определяющего признака следственного действия – непосредственного восприятия следователем информации, имеющей доказательствен-

ное значение [3, с. 38]. Сам С.А. Шейфер в своих более поздних работах отмечает, что появление в УПК РФ таких процессуальных действий, как контроль и запись переговоров и получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, следует расценивать как проникновение в уголовное судопроизводство оперативно-розыскных мероприятий. Свою позицию автор обосновывает тем обстоятельством, что в обоих случаях информацию из соответствующих средств технической коммуникации извлекает не сам следователь, а орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность. Причем порядок прослушивания телефонных переговоров и извлечения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами явно напоминает родственные по сути оперативно-розыскные мероприятия – прослушивание телефонных переговоров и снятие информации с технических каналов связи. В этой связи ученый выражает серьезное беспокойство относительно возможности дальнейшего расширения системы следственных действий за счет чуждых для уголовного процесса негласных познавательных процедур, как это происходит в ряде государств на постсоветском пространстве [38, с. 159–161 ; 39, с. 14–16]. В свою очередь, В.В. Кальницкий пишет о контроле и записи переговоров и о получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами как о мероприятиях, имеющих по сравнению со следственными действиями иную правовую природу. Их введение в систему следственных действий автор связывает с недостаточностью процессуальной культуры законодателя, мешающей увидеть различия между развитием процессуальной формы и узакониванием административных отношений и технических операций под видом следственного действия [17, с. 33].

В настоящей работе мы не ставим перед собой целей подвергать критике ука-

¹ В этой связи мы позволим себе не согласиться с И.В. Смольковой, утверждающей, что в настоящее время среди ученых нет принципиальных возражений против контроля и записи переговоров как следственного действия [34, с. 128].

занные познавательные механизмы как не свойственные для уголовного судопроизводства в целом и системы следственных действий в частности. Тем более что указанная выше позиция М.О. Баева и О.Я. Баева об опосредованном восприятии следователем сведений, имеющих значение для уголовного дела, представляется не совсем верной. Ведь орган дознания в данном случае всего лишь выполняет техническую запись телефонных или иных переговоров и передает их следователю как бы «в первоизданном виде», то есть без собственной интерпретации (примерно в том же ракурсе, как это происходит с описанными выше случаями участия в следственных действиях специалиста или врача). Анализ полученной фонограммы осуществляет сам следователь, который, в соответствии с ч. 7 ст. 186 УПК РФ, излагает в протоколе осмотра лишь ту ее часть, которая, по его мнению, имеет отношение к обстоятельствам уголовного дела. Как справедливо пишет М.М. Матвеев, при предоставлении материалов записанных переговоров следователю именно он, а не орган дознания, ознакомившись с их содержанием, должен оценить их значение для уголовного дела [22, с. 71]. Что же касается получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, то эта процессуальная процедура вообще не связана с техническим участием в ее производстве органа дознания; согласно ч. 4 ст. 186.1 УПК РФ организация, осуществляющая услуги связи, передает все необходимые сведения и материалы следователю напрямую. Более того, включение рассматриваемых нами познавательных процедур в предмет уголовно-процессуального регулирования, очевидно, имеет и положительные стороны, выраженные, например, в безусловном доказательственном значении полученных таким образом сведений. Тогда как вопрос о придании статуса доказательств результатам непроцес-

ссуальных, в первую очередь оперативно-розыскных мероприятий в настоящее время, как отмечалось выше, остается открытым и вызывает множество научных дискуссий и практических проблем.

Вместе с тем ни наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемку, ни контроль и записи переговоров, ни получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами нельзя признать традиционными (типичными) следственными действиями; они имеют свою специфику, выраженную в их комплексном (комбинированном) характере. По существу, они сочетают в себе самостоятельные следственные действия (осмотр, выемку) и иные процессуальные действия организационно-технической направленности. В этой связи следует обратить внимание, что в литературе сложилась достаточно четкая позиция о комплексной природе лишь наложения ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотра и выемки [32, с. 50–51 ; 37, с. 81]. В части контроля и записи переговоров, а также получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами подобные суждения высказываются лишь фрагментарно [36, с. 14 ; 43, с. 20–21]. Комплексный (комбинированный) характер рассматриваемых нами процессуальных мероприятий обуславливает их близость к вышерассмотренным тактическим комбинациям и операциям. Вместе с тем наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка, контроль и запись переговоров и получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, в отличие от тактических комбинаций (операций), представляют собой строго формализованные процедуры, предполагают определенную, установленную законом последовательность и производятся на основании специального судебного решения. Тогда как содержание и после-

довательность тактической комбинации (операции) определяет сам следователь, руководствуясь при этом исключительно криминалистическими рекомендациями и своим опытом.

Существование подобных комплексных (комбинированных), но в то же время строго формализованных процедур, направленных на решение частных (локальных) задач уголовного судопроизводства, приводит нас к убеждению о необходимости введения в уголовно-процессуальную науку новой категории, которую следует именовать процессуальной комбинацией². Под *процессуальной комбинацией* мы понимаем предусмотренный уголовно-процессуальным законодательством комплекс определенных взаимообусловленных следственных и иных процессуальных действий, направленных на решение частных (локальных) задач уголовного судопроизводства и производимых на основании общего процессуального решения. Действующий УПК РФ предусматривает целый ряд процессуальных комбинаций, преследующих различные цели. Таковой, безусловно, следует признать, например, задержание подозреваемого (в широком смысле), процедура которого предполагает вынесение соответствующего решения (протокола), допрос подозреваемого (ч. 2 ст. 46 УПК РФ), личный обыск подозреваемого (ст. 93 УПК РФ) и направление уведомлений о задержании подозреваемого (ст. 96 УПК РФ). Но все же наибольший интерес представляют процессуальные комбинации поисково-познавательного характера, то есть прямо направленные на установление обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу и тем самым близкие по своей природе к традиционным следственным действиям. Ими как раз и являются наложение ареста на почто-

во-телеграфные отправления, их осмотр и выемка, контроль и запись переговоров и получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами.

Так, наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка – это процессуальная комбинация, которая заключается в предусмотренном законом и производимом на основе общего процессуального решения комплексе действий по аресту почтово-телеграфных отправок, их последующему осмотру и выемке, направленному на установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. В свою очередь, контроль и запись переговоров и получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами представляют собой предусмотренные законом комплексы мероприятий по негласному исследованию и фиксации сведений, составляющих предмет общения между участниками уголовного судопроизводства и (или) иными лицами посредством современных технических способов.

Таким образом, процессуальные комбинации, предусмотренные ст.ст. 185, 186 и 186.1 УПК РФ, в силу своего комплексного (комбинированного) характера не могут быть отнесены к традиционным следственным действиям; они имеют более сложную природу. Вместе с тем имплантированные в их структуру самостоятельные познавательные механизмы (осмотр и выемка) осуществляются на основании закономерностей наглядно-образного восприятия объективной реальности. В этой связи представляется возможным включение наложения ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотра и выемки, контроля и записи переговоров, а также получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами в качестве специфических, обособленных элементов в системе следственных действий.

² Впервые вопрос о процессуальной комбинации как о самостоятельной категории в системе уголовно-процессуального регулирования нами был поднят в 2005 году [29, с. 211–218].

Пристатейный библиографический список

1. Андриевский А.Е. Методические рекомендации для горрайорганов внутренних дел при организации комплексных операций. М.: ВНИИ МВД СССР, 1990.
2. Баев О.Я. Тактика следственных действий: учеб. пособие. Воронеж: ВГУ, 2012.
3. Баев М.О., Баев О.Я. УПК РФ 2001 г.: достижения, лакуны, коллизии; возможные пути заполнения и разрешения последних: учеб. пособие. Воронеж: Воронежский государственный ун-т, 2002.
4. Белкин Р.С. Проблемы определения последовательности следственных действий // Проблемы совершенствования следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий в аспекте ликвидации преступности в СССР / отв. ред. В.Е. Розенцвайг. Алма-Ата: Казахский государственный ун-т, 1974.
5. Белкин Р.С. Курс криминалистики. Т. 3. М.: Юристь, 1997.
6. Бердышев А.Н. Особенности осмотра места авиационного происшествия // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): материалы Международной науч.-практ. конференции. Ч. 1. Екатеринбург: Уральский ун-т, 2005.
7. Волковский Н.В. Силы специальных операций. История, применение, вооружение, оснащение. СПб.: Полигон, 1996.
8. Гармаш А.М. Проведение комплексных операций органами внутренних дел: учеб. пособие. М.: ВНИИ МВД России, 2003.
9. Григорьев В.Н. Расследование преступлений в чрезвычайных условиях. Правовое обеспечение, организация, методика. М.: Академия МВД России, 1994.
10. Драпкин Л.Я. Особенности информационного поиска в процессе расследования и тактика следствия // Проблемы повышения эффективности предварительного следствия: тезисы науч.-практ. конференции. Л.: Ин-т усовершенствования следственных работников прокуратуры и МВД СССР, 1976.
11. Драпкин Л.Я. Первоначальные следственные действия в методике расследования преступлений и проблема повышения их эффективности // Вопросы методики расследования преступлений. Свердловск: СЮИ имени Р.А. Руденко, 1976.
12. Дулов А.В. О разработке тактических операций при расследовании преступления // 50 лет советской прокуратуры и проблемы совершенствования предварительного следствия: краткие тезисы докладов к научной конференции. Л.: Ин-т усовершенствования следственных работников прокуратуры и МВД СССР, 1972. С. 23–26.
13. Дулов А.В. Тактические операции при расследовании преступлений. Минск: Белорусский государственный ун-т имени В.И. Ленина, 1979.
14. Егоров А.П., Шрага И.Л. Расследование крушений и аварий на железнодорожном транспорте. М.: ВНИИ Прокуратуры СССР, 1970.
15. Елинский В.И., Коткин П.Н. Специфика организации и производства осмотра места авиационного происшествия // Российский следователь. 2009. № 20. С. 4–10.
16. Елинский В.И., Коткин П.Н. Особенности осмотра места происшествия при расследовании уголовных дел о транспортных происшествиях (крушений и аварий) на железнодорожном транспорте // Российский следователь. 2010. № 14. С. 2–6.
17. Калынский В.В. Вопросы правовой регламентации следственных действий на современном этапе // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 2.
18. Карнович Г.Б. Расследование аварий на водном транспорте. М.: Госюриздат, 1953.
19. Криминалистика: учебник / под ред. Р.С. Белкина. М.: Юридическая литература, 1974.
20. Криминалистика: учебник / под ред. Е.П. Ищенко. М.: Проспект, 2011.
21. Криминалистика: учебник / под ред. А.И. Бастрыкина. М.: Экзамен, 2014.
22. Матвеев М.М. Контроль и запись телефонных и иных переговоров: понятие и содержание // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): материалы Международной науч.-практ. конференции. Ч. 2. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2005.
23. Михальчук А.Е., Степанов В.В. Соотношение тактических операций и комбинаций в криминалистике // Проблемы интенсификации деятельности по расследованию преступлений. Свердловск: СЮИ имени Р.А. Руденко, 1987.

24. Неупокоева И.А. Некоторые особенности осмотра места авиационного происшествия // Законодательство и практика. 2014. № 2 (33).
25. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. Электронная версия // URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/ogegova/>
26. Пономаренко Н.Ю. Тактические операции и оперативно-тактические комбинации как средства расследования преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Белгород: Белгородский государственный национальный исследовательский ун-т, 2017.
27. Россинский С.Б. Производство обыска в форме специальной операции: дис. ... канд. юрид. наук. М.: ЮИ МВД РФ, 2002.
28. Россинский С.Б. Обыск в форме специальной операции: учеб. пособие / под ред. В.Н. Григорьева. М.: Юнити-Дана; Закон и право, 2003.
29. Россинский С.Б. Процессуальные комбинации: понятие и сущность // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): материалы Международной науч.-практ. конференции. Ч. 2. Екатеринбург: Уральский ун-т, 2005.
30. Россинский С.Б. Специальная операция как организационная форма производства невербального следственного действия // Российский следователь. 2014. № 24. С. 12–17.
31. Селиверстов С.А. Использование специальных операций подразделений быстрого реагирования в борьбе с организованной преступностью: учеб.-методич. пособие. М.: УМЦ при ГУК МВД России, 1994.
32. Семенцов В.А. Следственные действия: учеб. пособие. Екатеринбург: УрГЮА, 2003.
33. Смахтин Е.В., Толстолужинская Е.М. Криминалистика: учеб. пособие. Тюмень: Тюменский государственный ун-т, 2012.
34. Смолькова И.В. Контроль и запись телефонных переговоров как следственное действие // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения: сб. науч. трудов. Вып. 1 (5). Иркутск: БГУЭП, 2014.
35. Соглаев В.Н. Войсковые действия при проведении специальных операций: учеб. пособие. Рязань: Рязанская высшая школа МВД СССР, 1986.
36. Стельмах В.Ю. Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами как следственное действие: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург: Уральский юридический ин-т МВД России, 2013.
37. Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. М.: Юрлитинформ, 2004.
38. Шейфер С.А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти. М.: Норма, 2013.
39. Шейфер С.А. Трансформация правового регулирования и научных представлений о системе следственных действий // Вестник Самарского государственного ун-та. 2014. № 11/1 (122).
40. Шиканов В.И. Разработка теории тактических операций — важнейшее условие совершенствования методики расследования преступлений // Методика расследования преступлений. Общие положения: материалы науч.-практ. конференции. М.: ВНИИ Прокуратуры СССР, 1976.
41. Шиканов В.И. Теоретические основы тактических операций в расследовании преступлений. Иркутск: Иркутский государственный ун-т, 1983.
42. Эминов В.Е., Саулевич Э.К., Лодысев М.С., Кофман В.Д. Расследование и предупреждение авиационных происшествий / отв. ред. Н.В. Жогин. М.: ВНИИ Прокуратуры СССР, 1977.
43. Юрина Л.Г., Юрин В.М. Контроль и запись переговоров: учеб. пособие. М.: Приор, 2002.